

сы не стали от меня ничего скрывать, ни о еде своей, ни о торговле, ни о молитвах, ни о иных вещах, и жен своих не стали в доме скрывать».

Выспрашивал у местных жителей, запоминал, что-то записывал. Записки свои хранил тщательно. Тетради с его записями были привезены его товарищами в Москву и переданы великокняжескому дьяку Василию Мамыреву, человеку влиятельнейшему и не случайному. В 1480 году во время нашествия хана Ахмата он был оставлен Иваном III руководить обороной Москвы, а в 1485 году руководил строительством укреплений во Владимире. Нет, не простые это были тетради. И интерес к ним был не праздный.

Сегодня, читая «Хождение за три моря», вдруг ловишь себя на мысли, что эти записки очень похожи на обширное агентурное донесение, имеющее важнейшее значение, при возможной экспансии русского государства на Восток.

Мысль дерзкая и на первый взгляд — даже абсурдная, ведь русская государственность еще только складывалась. И становление Москвы еще только начиналось. Правда, уже недалеко были походы на Новгород (1471 и 1478г.г.). И московский вассал царевич Касим сын Улу-Мухаммеда готовил первый поход против Казани. А Тверь готова была уступить Москве.

Таков был расклад в 60-е годы XV столетия. Стратегически было абсолютно верно собирать информацию самого разного свойства о самых дальних землях, ибо молодое нарождающееся государство просто распирала энергия. Сибирь и Дальний Восток были в то время для Москвы ничуть не ближе волшебной Индии.

© **Козлов И.В.**
г. Екатеринбург

МОЛИТВЕННОЕ СЛОВО В ТВОРЧЕСТВЕ ФЁДОРА ГЛИНКИ *(НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОВ «ОПЫТЫ СВЯЩЕННОЙ ПОЭЗИИ»)*

Фёдора Николаевича Глинку — поэт, многообразно развивший в своём творчестве жанр стихотворной молитвы. Особенности этого жанра до сих пор мало исследованы. В настоящей статье мы попытаемся выделить характерные черты стихотворной молитвы Ф. Глинки.

Для Фёдора Глинки стихотворная молитва была одним из самых важных жанров. Он не просто создал отдельные стихотворения, он собрал их в книгу стихов, имеющую внутреннюю динамику, эмоциональное развитие и — своего рода развязку. Важно подчеркнуть серьёзный, почти исследовательский подход к молитве у Глинки. Дело в том, что для верующего человека молитва играет очень важную роль. Это прямое обращение к Богу: «Сопричастное отношение высшего Божественного начала к молитвенному слову предполагается в самом процессе духовного преображения молящегося в момент непосредственного произнесения молитвы. Субъект молитвенного действия является одновременно и объектом охранного воздействия (отсюда внутренняя диалогизация молитвенного события: взгляд на себя-в-мире с наивысшей, идеальной позиции в иерархической системе ценностей)» [1:14]. Перед тем, как пробовать самому писать молитвы, человек должен достичь определённого уровня духовного развития. Глинка писал молитвы не только в стихах, но и в прозе. Он подходил к этому делу серьёзно, поскольку написание «своей» молитвы требует от человека большой ответственности: «плохая» молитва может отдалить верующего от Бога.

Глинка иногда так обозначал то состояние, в котором он писал переложения псалмов и стихотворные молитвы: «Справедливо, что я брал иногда общий смысл, иногда же только некоторые стихи из целого псалма, и, сообразуясь с новейшим способом стихосложения, выражал так, как было прилично вдохновению, двигаемому тогда моею душою» [2:456]. Важно подчеркнуть, что таинство молитвенного сло-

ва воспринималось Ф. Глинкой как откровение, постижение скрытых истин. Поэзия была для него способом вознесения души к Богу. В этом высказывании поэта есть один существенный момент: душа поэта «движет» *вдохновением*. Для верующего человека душа имеет особенное значение. Душа — связующее звено между человеком и миром небесным, «милой отчизной». Поэтому и понимание «вдохновения» здесь приближается к понятию религиозной экзальтации.

В «Опытах священной поэзии» этот путь духовного восхождения к Творцу, молитвенное познание лучшего, небесного мира — представлены достаточно подробно и многообразно. Рассмотрим движение поэтической мысли, изменение эмоционального настроения в первой части этой стихотворной книги.

Дело в том, что «Опыты священной поэзии» — не просто собранные под одной обложкой стихотворения. Поэт составлял эту книгу, сообразуясь, по-видимому, с тем самым вдохновением, о котором речь шла выше. Известно, что стихотворения в «Опытах...» расположены не в хронологическом порядке. Вся книга распадается на две большие части, в первой — лирической герой книги (праведник) обращается к Богу с просьбами, жалобами, хвалебными песнями, а во второй — на первый план выходит пророк, возвевающий судьбы земного мира и призывающий к покаянию.

Основой «сюжетной линии» книги стихов становится «история» духовного вознесения души в небесный мир. Сначала при помощи молитвы — и здесь логическим завершением молитвенных устремлений становится способность петь хвалу Богу (для того, чтобы быть достойным написать такую хвалу нужно пройти несколько стадий духовного очищения), а в конце — посвящение в тайные судьбы мира и призвание людей к покаянию. Это разделение «Опытов...» на две части проведено нами и поэтому в достаточной степени условно.

Устремлённость своего голоса к Богу поэт обозначает уже в названиях некоторых своих стихотворений: «К Богу правды», «Голос к Вышнему», «Гимн Богу». Как происходит это обращение? Какие словесные формулы применяет Глинка?

Стихотворение «К Богу правды» начинается с глагола в императиве: «Восстань, Господь! Где суд Твой правый / Почто молчит Твой страшный гром?» [3:11]. Стихотворение развивает одну из основных оппозиций «Опытов священной поэзии», которая была заимствована поэтом из Псалтыри: праведник — грешники. Праведник призывает Господа покарать живущих нечестиво. Этим воплем праведник разрушает своё одиночество. Первая часть стихотворения — обращение к Богу: «Неправда разлилась как море / И тонет в ней Твоя земля! / Они [нечестивцы], как трости, изломали / Законы дивные Твои» [3:11]. Праведник уравнивает себя с невинными страдальцами: «А стоны вдов и сироты, / Твоих людей забытых слёзы, / Сия сердечная роса, / Восходят с воплем в небеса!» [3:11]. Слово праведника внезапно сменяется речами грешных безумцев: «Где Богу с неба видеть нас?» [3:12] и следующие слова праведника отвечают на этот вопрос: «О заблужденье! как же мыслишь, / Чтёб Тот, Кто слух и око дал, / Не видел слёз, не слышал внятно, / Что сердце в грусти говорит?» [3:12]. Противопоставление грешных и праведных решается в земной жизни в пользу первых. Грешники могут творить всё, на что они способны по своей греховной натуре: «убивать сирот», «сдирать ветхи ризы со вдовицы». Это их праздник беззаконья. Преступив Закон Божий, они мчатся в вихре «пустых мечтаний и сует». Но заключительные строки стихотворения укрепляют праведника в его надежде на помощь Господа и Его справедливый суд: «Блажен, живущий в крове Бога!... / Он смелою стопою ходит / По скользкой жизни! О, Творец! / Ты сам и небеса с Тобою / Нисходят к чистому душой, / И зрит он в духе славу Бога!» [3:13].

Смена адресата речи в стихотворении приводит и к изменению эмоционального настроения лирического героя: в начале — призыв покарать беззаконие, затем — попытка вразумить самих беззаконных, и поскольку ни то, ни другое не находит ответа (гром над беззаконными не раздражается, а сами они не хотят оставить свои пороки),

то праведник видит главную задачу своей жизни в верности Божественному закону. Он должен перейти после смерти в лоно Бога, «который жил в его душе». Формулируется мистическая направленность книги стихов Глинки «Опыты священной поэзии». Поэт исследует внутренние устремления человека. Главным объектом «изучения» становится душа, в которой должен жить Бог, и то, что происходит с ней, если Бога в ней нет. Самоуглубление, мистические поиски основ бытия — основные мотивы духовных стихотворений Глинки.

В следующем стихотворении «Голос к Вышнему» обращение к Богу приобретает характер стихотворной ламентации. Видя заботу Бога об окружающем мире, праведник жалуется на то, что «...Лишь я один в Твоём дому / Хожу, как труженик забытый, / И не живой, и не убитый; / Но меж живыми, как мертвец...» [3:14]. Между тем как Бог в «час ярой бури» удержал кедр на «рухлом холме», осиял седое небо светлостью лазури, «былинкой полевою, едва приметною глазам, так нежно занимался сам». В этом тексте праведник подмечает приметы существования Бога в мире: «Везде Твой взгляд, Твой кров защитный; / Всё песнь Тебе и всё Твой храм!» [3:15]. Надежда даётся человеку в словах пророка: «Земной! *будь голосом небес!*... / Пускай кругом враги свирепы, / Как стая пробужденных псов / На путника без обороны; / Как зной, как злые скорпионы, / Как волны бурных реки, / Тебя обьдут с зельным криком! / Будь смел в надеяныи великом / На сень, на власть Моей руки!» ([3:16] курсив Ф. Глинки. — И.К.).

Стремление попасть в лучший, небесный мир, поиски этого пути занимают Ф. Глинку в следующем стихотворении «Желание Бога». Усталость от жизни («Я утомился жизни битвой / И онемелые уста / Не освежаются молитвой...». [3:17]), несправедливость («Меня обходит клевета». [3:17]). Праведник находит успокоение не в словах пророка, а во внутренних исканиях: «И ясно видят *сердца очи / Сию таинственную сень*, / Где Твой, без солнца и без ночи, / Горит, не погасая, день! / Я ведаю Твоё селенье: / Туда души моей полет / Влечет святое умиление...» ([3:18]. Курсив Ф. Глинки. — И.К.). Более того, праведник — частый гость в этом мире: «Я часто духом восхищенный, / Летаю в Твой надзвездный дом!» [3:18]. Страдания праведника мыслятся как внешнее воздействие. Томление, страх, стыд, печаль исчезают пред сознанием того, что земная жизнь — лишь «урочный плен». «Тайный глас святых небес» возвещает, что «твоя обитель не земля! / Сии лазурные поля / Полны высоких воздаяний!» [3:19].

Напротив, стихотворение «Вопль раскаяния» изображает внутренний духовный разрыв с небесным миром. Герой усомнился в Боге: «Предчувствия облит я хладом: / Ты смертью мне грозишь иль адом?» [3:20]. Герой внезапно почувствовал себя неспособным вознести хвалу Господу и испугался, что Бог оставил его: «А я сгораю жаждой славить / Тебя с любовью всякий час / И в память позднюю оставить / Души, Тобой спасённой, глас. / О радость! радость! глас сердечный / Услышан Господом моим! / Ты освятил меня, мой Вечный! / Лицем таинственным Своим!» [3:22].

Настоящая жизнь начинается лишь за могилой: «Там для души зазывный пир; / Там жизнь светлей надежды ясной; / *Не так жених к невесте страстной*, / Как он желает в лучший мир!» («Желание неба». [3:23]). В то время как «человек в душе лукавый» забыл Бога на земле, «Душе голодной ищет пищи: / Он ищет жизни на кладбище». Праведник же заявляет: «Прямая жизнь на небесах / Для нас, о братья человеки!» [3:24]. Герой обращается к Богу уже не с просьбой исправить мир земной, а призывает вернуть страдальца в истинную «отчизну», на небо.

Как правило, в стихотворениях Глинки постижение небесного мира происходит ночью, во время сна. Праведник находит утверждение Закона Божьего в «глаголах неба». Светила, звёзды, а затем и само солнце «поведали» ему славу Божию на земле. И праведник обращается к Богу с призывом: «Творец! не дай мне в сей ночи / Забыть о радостях отчизны... / Где манием Твоих очес / Ликуют небеса небес / И звезды светлые играют» [3:33].

Но восторженность и просьбы лицецерения Бога — не единственные поводы к молитве. Тоска, преследующая человека в земной жизни, не находит своего выхода, и единственный совет, который может дать праведник себе: «Терпи!». «От неба Твоего святого / Одной себе отрады жду!» [3:35]. «Едва, болезненный, иду / В безвестный путь чрез знойны степи, / И смутны дни за мной, как цепи!..» [3:35]. Спасения нет в земной жизни, можно только терпеть мучения: «Творец! Ужель отрады нет? / Поддай знакомую мне руку, / Любви дыханьем подкрепи: / Тогда снесу я жизни муку, / Скажу душе своей: «Терпи!»» [3:35].

Таким образом, в стихотворениях, расположенных в первой части «Опытов священной поэзии», повторяются одни и те же мотивы, смысловые оппозиции. Молитвенное слово, прерываемое стихотворениями, в которых явлен голос пророка, слово Бога или изображения чудес, совершённых Богом — эти эпизоды, как правило, взяты из Святого Писания (такие стихотворения как «Горе и благодать», «Глас Бога избранному Его», «Плач пленённых иудеев»). Молитвенное слово в «Опытах...» пульсирует, подобно биению сердца, или, лучше сказать, развивается циклично, на каждом новом этапе приобретая всё большую эмоциональность, смелость и разнообразие в изображении земного и небесного миров. Увеличивается объём произведений. Душа, проходящая этапы молитвенного очищения, устремляется к Творцу. Импульс, приведший в движение всю систему духовных переживаний и устремлений книги стихов, был задан первым стихотворением — «Гимн Богу». Затем многократно повторённые размышления поэта должны привести его в состояние мистической экзальтации, когда он будет достоин воспеть Хвалу Господу. Сомнения в себе, отречение от мира земных страстей, попытки утверждения себя в Законе Божиим, просьбы о прощении, о покое для истомлённой души, о защите от нечестивых и о возмездии — соединяются в едином хвалебном слове. Оппозиция, заданная в начале (грешники — праведники) разрушается, поскольку «...Он [Бог] всегда, повсюду с нами, / Зовёт, влечёт к Себе сердца; / Что, смывши мглу с очей слезами, / И грешник видит в Нём Отца!» (С. 60 «Рассказание»). Желание воспеть хвалу Богу можно найти почти в каждом стихотворении: «Тогда я, духом обновленный, / Векам восторг мой прозвучу!» [3:60]; «Творец и вождь небесных сил! / К Нему мой глас, Мой гимн сердечный...» [3:5]; «А я сгораю жаждой славить / Тебя с любовью всякий час, / И в память позднюю оставить / Души, Тобой спасённой, глас» [3:22]. Этот путь духовного восхождения «приводит» праведника, а вместе с ним и читателя, к стихотворению «Хвала», одному из самых объёмных и занимающему центральное место во всей книге стихов.

Если первое стихотворение «Гимн Богу» начинается с призыва стихиям замолчать: «Умолкни, вопль и шум вселенной! / Затихни, бурный стон морей. / Да я, любовью вдохновенный, / Воскликну песнь Царю царей!» ([3:1]. Курсив мой. — И.К.), то начало «Хвалы» иное: «Соединимся, воспоем! / Вы, звезды, зыбкими лучами / Дрожащи в мутных облаках! / Ты, с шумом веющая буря! / И вы, небес безбрежных силы! / Соединитесь все со мной: / Да славим милость Иеговы, / Да в Боге воспоем Отца!» [3:89]. Претерпевший земные страдания, очистившийся от греха, праведник ощущает единство со всем миром, который был создан Богом: «Я таю в счастии небес; / Всё выше, выше — я исчез / В безбрежности любви и света, / Где нет пределов, ни конца» [3:90]. Теперь праведник достоин изобразить Бога: «...Как мудрый вертоградарь, / Он всё истлевшее отсёк / И запалил огнём... Да пепел, / Росой жизни окроплён, / Как новый Феникс возродится...» [3:91]. Он — ужасный, но справедливый Судия. Всё сотворённое Им, живёт в Нём тайной жизнью, «как зарождённое во чреве; / И бьётся радостью живой, / Как сердце в персях человека» [3:91]. Это воспевание не только Творца, но и созданного Им мира. Любовь Бога к этому миру «течёт эфиром тонким по всем составам вещества», «прокажённое паденьем» возводит в свет и чистоту, и «всё новит, и всё питает, как кровь телесный наш состав».

В стихотворных молитвах Глинки затрагиваются философские вопросы. Изображая земной мир, поэт, говорит прежде всего, о суете земного мира, о бессмысленности бренных дел человеческих. Всё, что делают «неразумные нечестивцы», не приближает их к Богу — единственному источнику Вселенной. Они отдаляются от Него. Описание их действий дано у Глинки в аллегорической форме как средоточие всякого рода зла: притеснение вдовиц, сирот, бедняков, поклонение лжи, богатству и т.д. Но помимо того, что все эти стремления направлены к злу, они не приносят никакой пользы человеческой душе (бессмертной и устремлённой к небесному миру).

Примечания:

1. Афанасьева Э.М. «Молитва» в русской лирике XIX в. // Русская стихотворная «молитва» XIX века: Антология / Сост. Э.М. Афанасьева.
2. Глинка Ф. Н. Избранные произведения. — Л., 1957.
3. Глинка Ф. Опыты священной поэзии. — СПб., 1826.

© Королева В.Б.
г. Екатеринбург

ЧЕРНЫШЕВСКИЙ — САЛТЫКОВ — ЧЕХОВ (К ВОПРОСУ ЧИТАТЕЛЬСКОГО ВОСПРИЯТИЯ)

Значительность фигур каждого из перечисленных в названии писателей для своей эпохи неоспорима. Н.Г.Чернышевский — состоявшийся идеолог своих современников, настоящий кумир молодежи, с которого строили судьбы искатели правды. Роман Н.Г.Чернышевского «Что делать?» стал для многих молодых людей учебником жизни. Причем, в идею верили свято. Идеологическое родство душ способствовало созданию гражданских браков. Русские передовые женщины начали борьбу за эмансипацию, с головой окунулись в нелегальную деятельность и противостояние общественному строю, участвовали в студенческих волнениях и устраивали швейные мастерские по образцу Веры Павловны. Заслуга Чернышевского, на наш взгляд, заключается, в большей степени, в том, что он сумел уловить и отразить точно, хотя и довольно поучительно, возвышенный идеал, витавший в общественной атмосфере тех лет. На популярность романа среди демократически настроенных читателей повлияла и история его создания, и последовавшие злоключения автора. Чернышевский первым во весь голос со страниц романа обнародовал ставший в то время популярным женский вопрос. Кроме того, он создал идеальный образ передовой русской женщины, пример для подражания. «Новая женщина» наравне с мужчиной вступает в общественную борьбу за лучшую участь, доказывает свою способность решать смело и быстро «роковые» вопросы современности.

Вера Павловна, пожалуй, самый идеализированный женский образ в русской литературе. Вполне возможно, что читатель, посвященный в скрытый смысл романа, был экзальтирован этим образом. Экзальтация во многом определена «снами» Веры Павловны, расставленными в художественной ткани романа с методической точностью. Именно через «сны», на подсознательном уровне, происходит обновление души и пробуждение сознания героини Чернышевского. Читатель непосвященный и даже неграмотный также мог уловить скрытый смысл произведения, расшифровав «сны» главной героини как народные предания и легенды о лучшей жизни («Золотой век», «Беловодье» и другие). Современный читатель может заострить внимание на теме эмансипации, которая занимает изрядную долю в смысловой загрузженности текста. В таком случае роман по праву может быть трактован как женский роман. Женский роман поднимает в первую очередь женский вопрос. Женский вопрос непременно